

Ūdin, Aleksej V.

Европейские ценности из западной и восточной перспективы

Etnolingwistyka 23, 35-43

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użyciu.

I. PANEL:

JAKIE WARTOŚCI WSPÓŁTWORZĄ „DUSZE” EUROPY U PROGU XXI WIEKU?

Алексей В. Юдин
(Гент)

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ ИЗ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Что такое Европа?

Существует самое меньшее четыре понимания, вкладываемые в слово «Европа». Это прежде всего «географическая Европа», восточные границы которой проходят по Уралу и Большому Кавказскому хребту (как сказал Шарль де Голль, «Европа от Атлантики до Урала»). Это понятие имеет свою научную традицию, но пригодно скорее для исследований природы, чем культуры. Оно не вполне соответствует нашему интуитивному представлению о «Большой Европе», поскольку разделяет русское население по две стороны Уральского хребта, хотя трудно найти культурные различия между русскими в европейской части России и, например, в Новосибирске или Томске. Такое понимание также оставляет за пределами Европы Грузию и Армению. Однако путешественник, пересекший турецко-армянскую границу, обнаружит, как заметил один бельгийский документалист, что «Европа начинается в Армении» (он сослался на появление множества дискотек с девушками в мини-юбках и на высоких каблуках).

Более реальна как некое культурное единство «Большая Европа», которую иногда определяют как «Евразийскую (пост)христианскую цивилизацию» (правильнее было бы «постиудеохристианскую»). Такая концепция означает включение в Европу России («Европа от Атлантики до Тихого океана»¹) и христианского Закавказья, но оставляет за бортом Турцию. От-

¹ Ср., например, название прошедшего 9 ноября 2009 г. в Брюсселе в здании Европарламента Третьего Европейского русского форума: «Единая Европа от Атлантики до Тихого океана: мечты или возможность?» Здесь же недавнее заявление вице-премьера России Игоря Шувалова: «Наша цель – Европа без визового режима. Причем Европа от Атлантики до Тихого океана».

крытым остается и вопрос о «европейскости» миллионов мусульман, уже в третьем поколении живущих в западноевропейских странах.

В более узком смысле Европа ассоциируется с нынешними границами Европейского Союза (плюс Швейцария и Норвегия), включая нынешних и будущих кандидатов на вступление. Такая Европа исключает Россию, но в принципе допускает (скорее в далекой перспективе) включение Турции, Украины, Грузии.

Наконец, в наиболее узком, но все еще употребляемом значении «Европа» означает Западную или «Старую» Европу, т.е. Евросоюз до большого расширения 2000-х гг. Кстати, эта Старая Европа в общем совпадает со «Старым Светом» (франц. *Vieux Continent*) в противопоставлении «Новому Свету», Америке (*Nouveau Monde*), так что за представлением о ней стоит давняя историческая традиция.² Таким образом, говоря о Европе, всегда нужно иметь в виду, какое именно ее понимание используется в данном контексте. А выбор понимания зависит среди прочего от аксиологической базы говорящего, от того, какие (осознанные или нет) критерии он применяет и какие ценности разделяет.

Почему европейские ценности необходимо изучать?

Научная и общественная дискуссия о европейских ценностях, идущая на Западе уже более тридцати лет, стала особенно актуальной после расширения Европейского Союза. Оказалось, что нужно найти «общеевропейские» идеи и ценности, способные объединить достаточно разнородное образование, которым Союз стал в 2000-е гг. На их базе должно произойти своего рода достраивание «европейского» уровня идентичности. Эта дискуссия служит и определению «цивилизационных границ» Европы, чтобы тем самым обосновать подведение черты под расширением Евросоюза. Невозможно ясно ответить на вопрос, насколько «европейскими» странами являются Турция, Израиль, Украина, Грузия, Армения, Россия, пока не будут эксплицированы критерии «европейскости». Хотя, конечно, заранее ясно, что канон общих ценностей сельских жителей Восточной Турции и городских автохтонных голландцев или шведов будет уже недалек от претензии на «общечеловечность», т.е. в значительной мере потеряет специфику. Сегодня в качестве критериев «европейскости» рассматриваются, кроме территориальной близости к Европе, признание прав человека (в частности, прав женщин и различных меньшинств), демократическое правовое секулярное государство, минимизация коррупции, национальный консенсус о присоединении

² Замечание Анн Делизе.

к Евросоюзу. Дискуссия о европейской перспективе Турции показывает, однако, что рядом с этими критериями известную роль играют антиисламские идеи и просто боязнь слишком большого и не вполне предсказуемого «чужака».

С другой стороны, эта дискуссия важна для решения проблемы интеграции неевропейских мигрантов. Здесь кроется, возможно, главный внутренний культурный и социальный вызов Евросоюза. Если в его столице Брюсселе (даже в центре) есть улицы и целые районы, где трудно встретить в кафе женщину (точнее, найти кафе, куда женщины «вхожи»), значит «традиционные европейские ценности» изменяются (хотя, конечно, к их числу принадлежит и *толерантность*). Центрально-Восточная Европа пока (надолго ли?) относительно защищена от массовой внешней миграции более низким уровнем жизни, относительной слабостью социальных систем и малой известностью в остальном мире своих языков. А положение дел в европейской России (по крайней мере, в Москве и других больших городах) уже начинает напоминать западное: рядом с «автохтонным» населением живут большие общины выходцев с юго-востока бывшего СССР (Средняя Азия, Кавказ и Закавказье). Много в России также вьетнамцев и особенно китайцев. В ответ растет ксенофобия славянского населения, свидетельством чему, среди прочего, беспорядки в Москве в конце 2010 г.

Наконец, пересмотра требуют и утилитарно-гедонистические ценности, доминирующие сейчас в Европе, как и в других частях так называемого «экономически развитого мира». Основанная на них культура (сверх)потребления (вызвавшая массовую индустриализацию и, в свою очередь, подстегиваемая последней) сегодня столкнулась с естественными границами экосистемы планеты и грозит необратимым изменением климата, массовым вымиранием животных, ядерными катастрофами. «Долгосрочная» (durable) экономика, основанная на экологичном производстве и разумном умеренном потреблении, останется утопией, пока не будут скорректированы массовые ценности, направляющие поведение миллионов людей. Исследования изменений ценностей в этом плане также первостепенно важны.

Что представляют собой «европейские ценности»?

Ценности, разделяемые европейцами, можно подразделить на четыре категории: 1) общечеловеческие, 2) общедемократические, 3) специфически европейские, 4) национальные и региональные ценности европейских народов.

Примерами первой категории (общечеловеческие) будут, очевидно, витальные и близкие им материальные ценности, как *жизнь, здоровье, пища*,

дом (кров) и *очаг* (в различных культурных вариантах понятия «своего» локуса, начиная просто от теплого места вокруг костра) и др. Здесь же универсальные моральные ценности: *добро, доброта* (понимаемая как положительное отношение к людям, *делание добра*), *правда, мудрость* (не обязательно интеллектуальная), *польза*, вероятно, *разум*, а также ценности общественные: прежде всего *мы* в противоположность *им / остальным*, и конкретизации этого *мы*: *семья и ее члены*, прежде всего *мать и отец, род, племя, друзья*... Можно предположить, что все или почти все эти ценности разделялись людьми еще в каменном веке. Позднее к ним прибавились *земляки, народ, нация*. Но есть и ценности, понимание которых сегодня зависит от мировоззрения носителя. Они остаются общечеловеческими, но как бы раздваиваются. К ним относится, например, *свобода*: существует немало культур, где люди, номинально признав ее важность и позитивность, тут же подчинят ее куда более важным для них понятиям, таким как «порядок» или «Божья воля», и расскажут об опасности свободы, особенно неограниченной. Для европейской традиции свойственно сочетание *свободы с ответственностью* (за свои поступки перед другими людьми, их сообществами, природой...), что далеко не везде так же очевидно (я читал интернетную дискуссию, где многие русские горячо отвергали эту идею, подозревая в ней какую-то ловушку, скрытое ограничение свободы). По-разному понимается *любовь*, поскольку представители разных культур вкладывают в это понятие достаточно разное значение, в частности, возводя его или нет к трансцендентному образцу. То же можно сказать и о *справедливости*, ибо она может отсылать как к идее права, так и к высшему закону, року или божественной воле, что дает разное смысловое наполнение понятия (например, в арабском и вообще мусульманском мире нередко первой реакцией на террористический акт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. было: «Это справедливо!» – имелась в виду справедливость божественного возмездия «Большому Сатане», поддерживающему «малого» – Израиль).

Ко второй категории (общедемократические) я бы отнес гуманистические и индивидуалистические ценности: *права человека, честь, достоинство, свобода* (как свобода выбора, свобода от принуждения, не санкционированного обществом через право, – но и свобода творческой самореализации, слова) и др. Важны также социальные ценности: *демократия, равенство, плюрализм, социальность, солидарность* (механизмы солидарности существуют всюду в мире, но необходимо признание ценности атомизированных индивидуумов, чтобы признать ценность солидарности между ними) и др. Существенны здесь и интеллектуальные ценности (*рациональность, здравый смысл*). Понимание этих ценностей в «постхристианских» и, скажем, «(пост)буддистских» культурах будет, видимо, несколько от-

личаться. Рядом с общими ценностями «демократического мира» (включающего как минимум Японию и Южную Корею) можно, видимо, выделить ценности «Западного мира» (включающего Австралию, Новую Зеландию), разделяемые и западными европейцами. Главным отличием их будет, видимо, более сильный акцент на *индивидуализме* и выводимых из него ценностях, а соответственно, меньшая важность в жизни человека коллективного и семейного (в широком смысле слова) начала. Здесь Европа не едина: семейно-родственные отношения очень важны и тесны, например, у грузин или армян, и в меньшей, но все же значительной степени у русских, украинцев, поляков, болгар, греков, итальянцев и др. На Северо-Западе отношения родителей и взрослых детей значительно более дистанцированные, причем обоюдно. Достаточно вспомнить совершенно разное в западно- и центрально-восточноевропейских культурах отношение к пребыванию пожилых родителей в домах престарелых, как бы хороши они ни были, а также о том, как часто в среднем отдельно живущие дети на западе и востоке Европы разговаривают по телефону с родителями. Однако ясно, что все же существует общее аксиологическое ядро, позволяющее говорить о «ценностях демократического мира» вообще. Они доминируют в Западной Европе и с разной скоростью внедряются в жизнь в Европе Центрально-Восточной.

К четвертой категории (национальные и региональные) можно отнести, например, специфические национальные символы и *lieux de memoire*: *Orzeł Biały* для поляков, *Куликовская битва* для русских, *червона калина* для украинцев, *Marianne*³ для французов, *Guldensporenslag*⁴ для фламандцев и др., которые важны для человеческой идентичности, но нередко остаются малоизвестными за пределами «своих» стран. Здесь же будут национальные традиции, обычаи и т. п.

Я не случайно пропустил третью категорию – ценности специфически европейские. Как кажется, их практически не существует: даже сама Европа как географический контур на евромонетах, явно демонстрирующий нерешенность вопроса об Украине, России и Турции, не вызывает, как кажется, у европейцев особых чувств – во всяком случае, куда меньше, чем очертания их собственных стран. Едва ли на статус «специфической европейской ценности» может претендовать и «общее прошлое» – некая совокупность национальных версий европейской истории, где многие воевали против многих

³ Женщина во фригийском колпаке, персонификация свободы и разума, эмблема-символ республиканской Франции и ее ценностей (свободы, равенства, братства, Республики и рациональности).

⁴ Битва золотых шпор, название знаменитой битвы фламандского ополчения с рыцарями французской королевской армии (1302), завершившейся победой фламандцев и ставшей в романтическую эпоху одним из символов фламандского национального движения.

или угнетали многих. Сошлюсь только на заметное даже в самом молодом поколении бельгийцев отторжение всего, что связано с немецким языком и культурой. Если среди нидерландоязычных фламандцев еще встречаются «германофилы», найти их среди франкоязычных валлонов, как и среди французов, куда труднее (за пределами отделений германской филологии). Внешне полностью преодоленное наследие двух мировых войн до сих пор влияет на национальные стереотипы и каноны ценностей.

Нередко, как было сказано выше, Европу пытаются определить как «постхристианскую» территорию, наследницу христианизированной греко-римской цивилизации, т.е. «традиции Акрополя, Капитолия и Голгофы», как заметил в этой дискуссии архиепископ Юзеф Жычиньски. Но даже если мы составим некий список «гуманистических постхристианских» ценностей, они практически совпадут с выделенными выше «западными демократическими» (вторая категория) и едва ли позволят отличить Европу от США или Австралии (большой акцент на свободе в США и на солидарность в Европе объясняется историей, более поздней чем античная и даже средневековая). А в более широкой перспективе пришлось бы включить в этот же (пост)христианский круг Латинскую Америку и отчасти Африку, не говоря уже о России. Кстати, невозможно уже признать ни общечеловеческими, ни общеевропейскими, ни национальными (в Европе) такие ценности, как «Бог» и «религия», не говоря уже о таких понятиях, как «христианство» или «ислам» (первое в лучшем случае принадлежит «наследию европейской традиции»). В сегодняшней Европе они относятся к числу индивидуальных ценностей конкретного человека (хотя, конечно, есть страны и регионы мира, где это еще не так).

Возможно ли быть в меньшей или большей степени европейцем?

В целом можно предположить, что главная ценность Европы для европейцев определяется ценностью для них их «малой родины», места рождения и региона, и затем своей страны (и ее культурной специфики, нередко, как в случае Франции, энергично защищаемой), а прочие регионы и страны оцениваются по тому, насколько по образу жизни, внешнему архитектурному и ландшафтному облику, богатству и красоте они похожи на родные места: «европейским» признается (почти) такое же или кажущееся даже лучшим. Чем меньше сходство и чем больше бедность оцениваемого места – тем ниже его ценность, и тем менее наблюдатели склонны признавать его «европейским».

Важное место в этом процессе оценки занимают также этнокультурные стереотипы европейцев о ближайших и хотя бы некоторых дальних соседях. Стереотипы всегда включают элемент оценки, что приводит к внутренней структурированности европейского пространства в массовом сознании его жителей. Она состоит в установлении градации по принципу близости к некоему существующему в сознании людей прототипу «европейскости» (интуитивному, не дефинируемому четко и опирающемуся на автостереотип, образ *себя* и *нас*). То есть в глазах других можно быть (или представляться) европейцем в разной степени. Скажем, от бельгийцев, побывавших в Словении (самой богатой и «европейской» из республик бывшей Югославии) можно услышать: сразу видно, что они там не европейцы – одеваются слишком крикливо, безвкусно и по моде прошлого года. Но можно предположить, что словенцы будут все же признаны европейцами по сравнению с украинцами. От побывавших на Украине (в Крыму или в Одессе) можно услышать и такое: «Девушки там одеты и выглядят как проститутки». Но и русскую или украинку, приехавшую в Бельгию, поразит, как некрасиво (с ее точки зрения) одеваются фламандки: предпочитают коричневое или черное, никакой женственности, никаких высоких каблуков. . . Мы видим, что реконструкция различных «прототипических образов» Европы и ее жителей у разных ее народов могла бы стать интересной частью исследования европейских ценностей. Пока приведу только свои субъективные наблюдения, основанные прежде всего на разговорах с европейскими жителями.

Для западного европейца модель Европы концентрична, причем она структурно совпадает с уровнями его идентичности. Скажем, немецкоязычный швейцарец чувствует себя прежде всего швейцарцем из своего кантона, затем человеком немецкоязычной культуры, затем представителем северо-западной «германской Европы» с ее ценностями порядка, эффективности и трудолюбия, простоты, умеренности, но и не выставляемого напоказ, но значительного богатства. Французов он, разумеется, признает европейцами, высоко оценит их культуру, но с долей пренебрежения отзовется об отсутствии у них порядка и о глупой бюрократизации французского общества. Еще большим будет его скепсис по адресу итальянцев и тем более греков, а поляки или венгры будут признаны европейцами только с определением «восточные» (центральными европейцами швейцарцы считают самих себя, поскольку они находятся на примерно равном расстоянии от таких столиц, как Берлин, Вена, Париж и Рим). Россия и Турция из понятия Европы будут наверняка исключены. Сходным образом будет организовано «европейское пространство», например, бельгийца: в центре будет свой регион (Валлония, Фландрия или Брюссель) затем Бенилюкс, Франция и Германия (и отдельно, как что-то особенное – Великобритания). Менее «европейской» периферией

окажутся страны средиземноморской Европы. Страны бывшего «Восточного блока» также получают определение «восточные» (т.е. интуитивно пока еще не вполне европейские).

Европейское пространство жителя Центрально-Восточной Европы будет организовано сложнее, скорее в виде двух концентров. Поляк, скажем, будет видеть Европу с одной стороны, с точки зрения *kraja*, своей страны, в сравнении с региональными соседями, и наверняка признает себя большим европейцем, чем, скажем, румына, украинца или албанца. Но с другой стороны, и для него будет существовать другая Европа, *Zachód*, и оценка ее будет иной. Различия, например, Германии и Франции или Франции и Италии будут в этой модели не так релевантны, как для западных европейцев, но ясно, что и здесь разрыв между немцами и греками будет существенным. Западный украинец будет видеть Европу скорее из перспективы по ошибке оставленного на обочине, не принятого в клуб. Глядя на соседних словаков или румын, он будет задаваться вопросом: «Чем же они лучше нас»? Он чувствует себя европейцем, но не чувствует, что живет в Европе, и это служит источником фрустрации, оборачивающейся раздражением по адресу России и русифицированной Восточной Украины как исторических виновников происшедшего. Однако украинцы в целом почти единодушны в своем желании вступить в Евросоюз (зато их разделяет отношение к НАТО и России) и считают себя скорее европейцами, а понятие «европейские ценности» часто звучало в последние семь лет в украинском официальном дискурсе.

Наконец, русский будет тоже скорее всего думать о двух Европах («Запад» и «бывшие соцстраны»), не видя их пока единым целым. Идея «славяности» для современных русских уже почти нерелевантна и не особенно влияет на образ Европы: чехи русскому, живущему в России, в общем, не ближе венгров. Многие образованные русские не считают себя европейцами (хотя русскую культуру почти все они признают хотя и самобытной, но все же европейской), еще меньше в России будет тех, кто назовет европейской свою страну, а для простого человека там идея Европы вообще малоактуальна. В российской публицистике популярен скептический тон, когда речь заходит о «европейских ценностях»; авторы скорее предпочитают подчеркивать отсутствие подлинного европейского единства. Комплекс неевропейскости России выражается в сильном «евразийском» направлении в русской мысли, противопоставляющем Россию Европе как особую цивилизацию со своим путем, скорее наследницу традиций Византии и Золотой Орды, чем западного мира. Русские западники отвечают на эти идеи обидным словечком «Азиопа», рифмующимся известно с чем и подчеркивающим негативность «азиатского» начала, «азиатчины» в российской жизни. Про-

блема также в том, что о России трудно говорить как о едином культурном целом: побывав, например, в буддистских Бурятии или Туве, вы почувствуете, что вы в Азии, мусульманский Северный Кавказ также не произведет «европейского» впечатления, тогда как в Петербурге вы увидите немало общего, например, с Хельсинки или Стокгольмом. Двойственность заметна и во внешней политике России, которая то сближается с Западом, то снова начинает противостоять ему. Если политические колебания Украины между проевропейской и пророссийской ориентацией связаны скорее с «ценностным разрывом» между украиноязычным и русскоязычным населением, в России этот разрыв проходит внутри общенародного «канона ценностей».

Мы видим, что изучение «европейских ценностей» необходимо – даже если мы не вполне представляем себе, что это такое, и не можем однозначно ответить на вопрос о «европейскости» тех или иных стран. Но это должно быть изучение также и «точек зрения» на Европу и европейцев, на их ценности из разных европейских перспектив – северо-западной, южной, центрально-восточной и юго-восточной (балканской), а также из перспектив Украины, Белоруссии, России, Грузии, Армении. Очень важны и «внешние» взгляды: из Турции, Израиля, арабского мира. . . Сопоставление внутренней и внешней рефлексии, канонов ценностей, образов и стереотипов, помогло бы обоснованно ответить на вопросы, какие страны могут и должны стать частью объединенной Европы, что объединяет Европу уже сейчас и что послужит ее объединению в будущем.